

DOI: 10.31696/S086919080033695-1

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АРАБСКИХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
К ИРАНУ И ЕГО РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В 2010-х гг.

© 2025

М.А. ПОДРЕЗОВ^а^а – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4385-2102; podrezovm@gmail.com

Резюме: Иран всегда играл важную роль на Ближнем Востоке. В его политике на этом направлении большое значение имел религиозный фактор, в особенности после Исламской революции. Однако поддержка Тегераном своих единоверцев, арабов-шиитов региона, вызывает неприятие суннитского большинства. В 2011–2019 гг. исследовательский центр Zogby Research Services провел серию опросов общественного мнения в странах Ближнего Востока, данные которых позволяют проследить трансформацию восприятия современного Ирана и его региональной политики в арабских странах, малоизученную в современной науке. Многие арабы традиционно с подозрением относились к Тегерану и его внешнеполитической деятельности – и отрицательно оценили его вовлечённость в кризисные события в Сирии, Йемене и Ираке в 2010-х гг. Именно участие ИРИ в делах ближневосточных стран в 2011–2016 гг. стало основным драйвером как снижения уровня поддержки Тегерана в Иордании, Ираке, Ливане, ОАЭ и Саудовской Аравии, так и ослабления уверенности в мирном сосуществовании Ирана и государств региона. Заключение «ядерной сделки» имело незначительный краткосрочный эффект – и только благодаря ожиданиям снижения активности Тегерана на Ближнем Востоке. Однако в 2018 г. на фоне недовольства ближневосточным курсом Трампа и надежд, что из-за срыва СВПД и возобновления действия американских санкций в адрес Ирана Тегеран будет вынужден сократить уровень поддержки дружественных шиитских движений и в целом снизит степень вмешательства в дела региона, отношение к ИРИ в арабских странах заметно улучшилось в сравнении с предыдущим периодом. Более того, значительно выросла уверенность респондентов в достижении мира и стабильности в регионе. Тем не менее эта тенденция была подорвана в 2019 г. в связи с возросшей напряжённостью в отношениях Тегерана с Вашингтоном и ростом регионального противостояния Ирана и Саудовской Аравии.

Ключевые слова: Арабский Восток, Иран, внешняя политика Ирана, суннитско-шиитское противостояние, СВПД, Сирия

Для цитирования: Подрезов М.А. Отношение населения арабских стран Ближнего Востока к Ирану и его региональной политике в 2010-х гг. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 170–181. DOI: 10.31696/S086919080033695-1

ATTITUDE OF THE ARAB POPULATION OF THE MIDDLE EAST TOWARDS IRAN AND ITS REGIONAL POLICY IN THE 2010s

© 2025

Mikhail A. PODREZOV ^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4385-2102; podrezovm@gmail.com

Abstract: In 2011–2019, Zogby Research Services conducted several surveys in the Middle Eastern countries asking the local people about their opinion on different political, social and economic issues. The author analyzes the views on the Islamic Republic of Iran and its regional policy expressed by Emirati, Iraqi, Jordan, Lebanese and Saudi respondents. The author combined the related questions into two groups: “Is your attitude favourable or unfavourable to Iran?” and “Does Iran contribute to peace and stability in the Arab world?” The changes in the replies throughout the survey timeline are presented in the two graphs explained in the article. The results of the research show that in 2011–2016, the respondents’ attitude towards Iran and its foreign policy had been worsening due to their dissatisfaction with the country’s involvement in the Middle Eastern affairs and the signing of ‘the nuclear deal’ having a short-term effect. Trump withdrawing from the deal and resuming the American sanction regime that struck the Iranian economy caused hopes among respondents that Tehran would decrease its activity in the region. Thus, by 2018 their attitude towards Iran has become much more positive, the respondents showed much more certainty in future peace and stability in the region. However, the 2019 survey showed that the confidence of the Arab states’ populations in future peaceful co-existence with Iran decreased dramatically as a result of the continuing Iranian support to its allies in the Middle East, intensified tensions between Tehran and Washington as well as escalated Iranian-Saudi confrontation.

Keywords: Arab East, Iran, Iranian foreign policy, Sunni-Shia confrontation, JCPOA, Syria

For citations: Podrezov M.A. Attitude of the Arab Population of the Middle East towards Iran and its Regional Policy in the 2010s. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 170–181. DOI: 10.31696/S086919080033695-1

Иран всегда играл одну из ключевых ролей на арабском Ближнем Востоке. С установлением Исламской Республики Иран (ИРИ) во внешней политике страны стал отчетливо проявляться религиозный аспект. Аятолла Рухолла Хомейни, заложивший основы государственного строя и идеологии нового государства, пытался распространить Исламскую революцию на другие страны региона. Хотя иранское руководство потерпело неудачу на этом направлении и постепенно отошло от таких внешнеполитических проектов в 1990-х гг., религия остается одним из факторов, определяющих ближневосточную политику Тегерана. ИРИ активно участвует в делах региона и в этом отношении взаимодействует с шиитскими правительствами и движениями (правительство Башара Асада в Сирии (до декабря 2024 г.), ливанская Хезболла, йеменские хуситы, иракские шиитские движения и формирования) и поддерживает их.

Однако Ближний Восток – за исключением Малой Азии – долгие века был арабским и, в большинстве своем, суннитским. Многие арабы традиционно относились с настороженностью к могущественному государству персов по соседству, стремившемуся распространить свое влияние на запад. Важную роль играл и религиозный фактор. Иран несколько

веков был единственным крупным государством, где шиизм сохранялся как господствующее направление в исламе. Как результат, арабы-шииты, находившиеся на второстепенных ролях практически на протяжении всей истории, рассматривали Иран как потенциального защитника, а тот, в свою очередь, также опирался на единоверцев в регионе. В то же время многие арабы-сунниты рассматривали шиитов – в особенности, после Исламской революции – как возможных проводников иранского влияния, а сам Иран – как нависшую угрозу.

На современном Ближнем Востоке отношение к Ирану остается неоднозначным. И если позиция властей регулярно освещается в официальных заявлениях и сообщениях СМИ, мнение населения изучается относительно редко. В данной статье предпринимается попытка оценить отношение арабов к своему восточному соседу и определить факторы, формирующие их взгляд на Тегеран и его политику.

МЕТОДОЛОГИЯ ОПРОСОВ

В 2011–2019 гг. исследовательский центр Zogby Research Services провел серию опросов общественного мнения в странах Арабского Востока, а также в Турции и Иране. Заявленная цель – определить взгляды их жителей на состояние дел в соответствующих странах, а также на политическую ситуацию в регионе Ближнего Востока, протекающие в нём кризисы, причины и пути их решения, их мнение о странах региона и основных внерегиональных игроках (США, Россия, Китай).

Сам исследовательский центр был основан Джеймсом Зогби, американским политологом-арабистом и общественником, братом Джона Зогби, создателя организаций Zogby International poll и Zogby Analytics, занимающихся проведением опросов в США на социально-политические темы. В свою очередь, Джеймс Зогби сосредоточил свою деятельность именно на регионе Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки – цель работы его центра заявлена как выяснение мнения жителей этих стран по важнейшим вопросам региона.

Центр представил материалы исследований 2011–2019 гг. на своем сайте [*Arab, Turkish & Iranian Public Opinion*, 2019]. В рамках данной статьи среди всей собранной информации нас интересует отношение жителей Иордании, Ирака, Ливана, ОАЭ и Саудовской Аравии к Ирану и его политике в регионе. Благодаря тому, что одни и те же или схожие вопросы задавались респондентам в этих странах на протяжении нескольких лет, имеется возможность отследить динамику отношения арабов Ближнего Востока к ИРИ и выявить, каким образом она коррелирует с реализацией Тегераном своего внешнеполитического курса.

Опросы проводились при личном контакте интервьюеров и респондентов, отобранных для получения репрезентативной выборки. Такой подход способствует большей точности результата, однако имеет объективные сложности, так как не позволяет проводить опросы в условиях продолжающегося вооруженного конфликта. Поэтому даже в материалах исследований мнений о конфликтах в Сирии и Йемене, их причинах, ходе и возможных результатах не представлен взгляд самих жителей этих стран.

В рассматриваемый в данной статье период проведения исследований 2011–2019 гг. методика определения районов отбора респондентов не претерпевала значительных изменений.

Респондентов выбирали:

в Иордании – в Аммане, Эз-Зарке, Ирбиде, Мадабе, Эль-Балке, Джараше, Эль-Мафраке, Акабе;

в Ираке – в Багдаде, Басре, Киркуке, Кербеле, Мосуле, Тикрите, Эрбиле, Неджефе, Ди-Каре, Бабиле, Анбаре, Дияле, Найнаве, Сулеймании, Эс-Самаве;

в Ливане – в Бейруте, Триполи, Баальбеке, Баабде, Тире, Сайде, Шуфе, Аккаре; в ОАЭ¹ – в Абу-Даби, Дубае, Шардже, Аджмане, Умм-эль-Кайвайне, Рас-эль-Хайме, Эль-Фуджайре;

в Саудовской Аравии (КСА) – в Эр-Рияде, Мекке, Джидде, Бурайде, Эт-Таифе, Эд-Даммаме, Эль-Хубаре, Дирабе, Эд-Дирьие, Аль-Амарие, Унайзе, Аль-Хабре, Аль-Шамасие, Шейбе, Дахране, Эль-Джубайле, Эль-Хуфуфе.

Опросы проводились в сентябре 2011 г., сентябре 2014 г., сентябре 2015 г., сентябре-октябре 2016 г., августе-сентябре 2017 г., августе-сентябре 2018 г., августе-сентябре 2019 г. В каждой стране интервьюеры отбирали от 800 до 1000 респондентов.

Среди опрошенных поддерживалось примерно равное соотношение мужчин и женщин. Исключение – ОАЭ (опросы 2011–2016 гг.) и Саудовская Аравия (опросы 2011–2017 гг.). В Объединенных Арабских Эмиратах в этот период доля мужчин среди опрошенных достигала примерно 2/3, а в КСА – около 55%.

В разбивке по возрастам в 2011 г. респондентов делили на группы старше и младше 36 лет, где доля опрошенных старше 36 лет колебалась в районе 40–50%. Исключением в этом году стал Ирак, где респондентов делили на группы младше 25 лет (17%), 25–36 лет (21%), старше 36 лет (38%).

В опросе 2014 г. разбивка по возрастам сохранялась по группам младше 25, 25–36 лет и 36+. В этом году доля каждой группы колебалась от 17 до 55%, перевес в большинстве случаев был в пользу средней и старшей возрастных категорий.

В 2015–2019 гг. разбивка осуществлялась на группы до 30 лет и 30+. Доля старшей возрастной категории составляла 55–68%. Исключением стали в 2017–2019 гг. ОАЭ, где респонденты младше 30 лет составляли 56%.

Кроме того, опросы – и авторы это отдельно подчеркивают – проводились репрезентативно среди как городских, так и сельских жителей. Только в опросе 2011 г. преобладало городское население, составляя от 70 до 90% опрошенных во всех странах, что может объясняться тем, что авторы еще тестировали технологию сбора данных. Однако уже с 2014 г. доля сельских жителей среди респондентов в Ливане, Иордании и Саудовской Аравии серьезно возросла и составляла 21–22% в Иордании (в 2014 и 2019 гг. – 15 и 10% соответственно), 11–14% в Ливане, 16–17% в КСА и 13–16% в ОАЭ. Высокая доля респондентов из сельской местности соблюдалась в 2011–2019 гг. среди иракских респондентов (30–37%). Сделанная авторами исследования выборка соответствует уровню урбанизации в указанных странах².

Также в ряде стран присутствует разбивка по вероисповеданию:

В Иордании сунниты составляли 91–97%, шииты – 2–4%, христиане – 2–4%.

В Ливане на суннитов приходилось 25–28%, на шиитов – 27–30%, на христиан – 37–40%, на друзов – 5–7% (в 2011 г. доля шиитов была заметно выше (35%), что может объясняться отсутствием графы «друзы»).

В Саудовской Аравии доля суннитов достигала 85–88%, шиитов – 10–15% (в опросе 2011 г. соотношение было 88 и 5% соответственно).

В ОАЭ сунниты составляли 88–91%, шииты – 9–12%, христиане – до 1% (в опросе 2011 г. доля суннитов и шиитов достигла 96 и 5% соответственно).

В Ираке на суннитов приходилось 33–42%, на шиитов – 58–67%, христиане – до 1%. Кроме того, в опросе 2011 гг. в методологии присутствовала разбивка по этническому

¹ Опрос проводился среди арабов-граждан страны.

² В Иордании она достигает 90%, в Ливане – 88%, в ОАЭ – 85,7%, в Саудовской Аравии – 83%, в то время как в Ираке этот показатель составляет 70% [*Urban population*, 2017].

признаку: арабы составляли 73–85%, курды – 14–17%, другие – 8% (в 2011 г. присутствовала графа «ассирийцы»), на которую пришелся 1%, в 2019 г. – «турки» (7%) и «ассирийцы» (2%).

По этому критерию разбивка респондентов, осуществленная создателями опроса, также соответствует соотношению адептов суннизма, шиизма и христианских деноминаций в изучаемых странах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторы тщательно подошли к отбору респондентов, чтобы сделать их состав как можно более репрезентативным, коррелирующим с реальным соотношением населения по возрастному и религиозному признакам и степени урбанизации с учетом мнений жителей различных регионов изучаемых стран.

Для оценки трансформации общего отношения арабов Ближнего Востока к Ирану в исследованиях 2011–2018 гг. были использованы ответы на вопрос «Как Вы относитесь к Ирану?»³ (граф. 1). Мнения жителей региона о перспективах мирного сосуществования арабских стран и ИРИ представлены на базе ответов на вопросы «Вносит ли Иран вклад в поддержание мира и стабильности в Арабском мире?» (исследования 2011–2016 гг.), «Могут ли Иран и страны Арабского мира жить в мире?» (опрос 2018 г.) и «Вы уверены, что в следующем десятилетии между Ираном и арабскими странами будет мир?» (опрос 2019 г.) (граф. 2). Ответы на данные вопросы представлены в виде графиков, где на горизонтальной оси указаны годы проведения исследований, а на вертикальной – сальдо положительных и отрицательных ответов (в сумму положительных реакций включались положительные и скорее положительные ответы, аналогичным образом формировалась база отрицательных ответов). Следует отметить, что данные вопросы задавались респондентам в отношении нескольких региональных и внерегиональных стран, но наше исследование учитывает только ответы про Иран.

ОТНОШЕНИЕ АРАБОВ К ИРАНУ И ЕГО РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

В 2010-х гг. внешнеполитическая активность Тегерана была сфокусирована вокруг двух основных проблем, беспокоивших также и мировую общественность: кризисных ситуаций, возникших в результате Арабской весны, и противоречий с Западом вокруг национальной ядерной программы. Безусловно, жители стран Ближнего Востока имели представление об этих событиях – если не были их непосредственными участниками. Как следствие, действия Ирана в данном направлении влияли на общественное мнение в арабских странах региона.

УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ АРАБОВ К ИРАНУ В 2011–2016 гг.

Трансформация общественного мнения в арабских странах за время проведения исследований Zogby Polls прошла через три этапа: 2011–2016, 2016–2018 и 2019 гг. В первый период мнение респондентов об Иране постепенно ухудшалось – даже в настроенных в значительной степени проирански Ливане и Ираке. В 2016–2018 гг. отмечается положительная динамика: в 2018 г. респонденты лучше, чем двумя годами ранее, отнеслись к ИРИ, а также выражали большую уверенность в урегулировании противоречий между Ираном и арабскими странами. Однако в 2019 г. убежденность арабов в перспективе мирного сосуществования с ИРИ серьезно снизилась.

На графике «Как Вы относитесь к Ирану?» (граф. 1)⁴ в 2011–2012 гг. наблюдается некоторый рост доли проирански настроенных респондентов. Так, в Ливане в 2012 г. отмечается

³ Не во всех странах в течение всего периода задавался этот вопрос, что отражено на графике.

⁴ Графики к статье см. на цветной вкладке.

положительный тренд в сравнении с 2011 г. Эти данные могут быть объяснены активной поддержкой Ираном правительства Башара Асада с самого начала Сирийского кризиса. Так, ИРИ направила в страну свои элитные подразделения во главе с Касемом Солеймани, который с 2012 г. лично руководил обороной Дамаска [Жулагина, Ахмедов, 2014, с. 253]. В том же году КСИР (Корпус стражей исламской революции) участвовал в создании сирийских Национальных сил обороны по образцу иранского ополчения «Басидж» [Osiewicz, 2021, p. 100].

Несколько улучшается осенью 2012 г. отношение к Ирану также в Иордании, ОАЭ и Саудовской Аравии. В это время указанные страны, как и ИРИ, оставались «оплотом стабильности» на фоне революций в ряде государств региона. Масштабный внутренний кризис охватил Египет и Сирию, крупных игроков на Ближнем Востоке, в устойчивости правящих систем которых у многих не было сомнений. Обеспокоенные масштабными протестами и конфликтами в непосредственной близости от своих границ жители могли теплее относиться к Ирану, который, хотя и представлялся им угрозой, но в меньшей степени, чем события Арабской весны.

Однако в 2014 г. наблюдается снижение положительного отношения к Ирану во всех странах, где проводилось исследование – даже в Ливане (данных по Ираку за этот год нет). Мнение респондентов было во многом обусловлено ситуацией в Сирии, в особенности президентскими выборами в стране, прошедшими 3 июня 2014 г. Впервые за более чем полвека в них участвовало несколько кандидатов [Сапронова, 2015, с. 27]; тем не менее безоговорочную победу одержал действующий глава государства Башар Асад, что ожидаемо вызвало широкую критику в рядах его противников. В свою очередь, Лига Арабских государств, членство Сирии в которой было приостановлено вскоре после начала конфликта, осудила проведение выборов еще в апреле 2014 г. [*Arab League criticizes*, 2024], а также выступала с критическими заявлениями в адрес Башара Асада [*Arab League slams*, 2014].

Данные опросов также демонстрируют низкий уровень поддержки властей в Дамаске среди иорданцев (32%), иракцев (44%), саудитов (16%) и подданных ОАЭ (14%), причем во всех указанных странах поддержка оппозиции составила 50–60%. Лишь ливанцы в большинстве своем сохранили симпатии к Башару Асаду (68%), во многом за счет шиитов, 84% которых поддерживали Дамаск. Однако при этом и среди суннитов, и среди шиитов в Ливане уровень поддержки оппозиции был невысок (38 и 14% соответственно). Примечательно также, что на вопрос о худшем варианте развития событий в стране лишь ливанские и иракские шииты больше опасались прихода к власти ИГИЛ**⁵ или иной экстремистской группировки, в то время как для остальных групп респондентов сохранение у власти Башара Асада представлялось более серьезной угрозой. При этом положительно роль Ирана в Сирии оценили только шииты, мнение которых смогло вывести общий знаменатель «в плюс» лишь в Ливане (44% против 27%), тогда как даже в Ираке превалировала доля критиков (42% против 35%).

Как следствие, тренд к снижению положительного отношения к Ирану был во многом обусловлен сохранением у власти в Сирии правительства Башара Асада. Небольшое снижение поддержки в Ливане можно объяснить сокращением финансирования Тегераном Хезболлы на фоне санкционного давления и роста расходов на ведение боевых действий в Сирии [Ranstorp, 2016, p. 11].

На фоне общего роста антииранских настроений наблюдается локальный позитивный «всплеск» в 2015 г. в традиционно недружественных по отношению к Ирану странах (Иордании и Саудовской Аравии)⁶. Он зафиксирован через несколько месяцев после за-

⁵ **Террористическая организация, запрещенная в России.

⁶ Данные по ОАЭ за этот год отсутствуют.

ключения СВПД. То обстоятельство, что Тегеран пошел на уступки, могло улучшить мнение о нём у некоторых респондентов. Однако не стоит преувеличивать: «всплеск» 2015 г. представляется таковым только потому, что он не укладывается в общую тенденцию к демонизации ИРИ. Несмотря на заключение «ядерной сделки», около ¾ саудитов и иорданцев негативно относились к Ирану.

В то же время в общественном мнении в Ливане наблюдается обратная тенденция: в 2015–2016 гг. происходит резкий спад поддержки Ирана. И если снижение проиранских симпатий в 2015 г. по сравнению с 2012 г. не было значительным, то в 2016 г. доля антиирански настроенных респондентов впервые превысила половину, достигнув 51%. Многие ливанцы в предыдущие годы были расположены дружелюбно по отношению к Тегерану и придерживались антизападных взглядов. Заключение СВПД не оказало на их мнение негативного влияния, так как более 60% респондентов поддержали соглашение, установившее ограничения только для иранской ядерной программы, но не для его деятельности в регионе. Более того, с началом снятия санкций серьезно возрос объем средств, направляемых Ираном на поддержку Хезболлы [Ranstorp, 2016, p. 11], что значительно укрепило ее позиции, в том числе в противостоянии с другими движениями, в частности, Коалицией 14 марта⁷. Однако многие ливанцы, настроенные антизападно, болезненно восприняли активное привлечение правительством Хасана Роухани внешних инвестиций в иранскую экономику, увидев в этом реальные попытки сближения с идеологическим врагом.

В 2016 г. в прозападных Саудовской Аравии, ОАЭ и Иордании резко усиливается неприятие Ирана, хотя именно в этот год (сам опрос проводился в августе-сентябре) начинается постепенное снятие западных санкций с Тегерана, а президент Хасан Роухани совершает визиты в Италию и Францию с целью восстановления экономических связей [Президент Ирана, 2016]. Такие показатели объясняются тем, что заявления об урегулировании иранского ядерного кризиса были сделаны еще в 2015 г., а юридические формулировки о сроках вступления в силу положений СВПД и датах снятия санкций не оказывают такого воздействия на мнение большинства населения – и тем более не получают широкого освещения в СМИ. К осени 2016 г. прошло уже немало времени с заключения СВПД, и оптимизм, отмеченный у респондентов вскоре после «избавления от иранской ядерной угрозы», прошел. Ближневосточные арабы были в меньшей степени обеспокоены перспективой наличия у Ирана атомной бомбы, чем европейцы и американцы: у них имелась более насущная проблема, исходящая от ИРИ, а именно её участие в делах региона.

В это время Касем Солеймани, один из архитекторов иранской политики на Ближнем Востоке, активно привлекал прокси-группировки для противостояния с ИГИЛ**, что во многом спасло иракское руководство от краха [Soufan, 2018, p. 5]. Однако взаимодействие Ирана с шиитскими движениями вызывало неприятие в странах, населенных преимущественно суннитами.

Более того, в январе 2016 г. начался новый виток напряженности между Эр-Риядом и Тегераном после казни саудовскими властями влиятельного проповедника и защитника прав шиитов Нимра ан-Нимра, что, безусловно, усилило и без того распространенные антииранские настроения в Саудовской Аравии, большинство населения которой составляют сунниты. Доля относящихся положительно к Тегерану саудитов (9%) коррелирует с числом шиитов в королевстве (по разным данным, 10–15%) [Report on Religious Freedom, 2022] с учётом того, что далеко не все саудовские шииты поддерживают политику ИРИ. Последовавшие затем нападения протестующих на дипмиссии королевства в Тегеране и Мешхеде не могли способствовать созданию положительного образа Ирана, как минимум, в глазах саудитов-суннитов.

⁷ Возникшая в 2014 г. коалиция антисирийски настроенных партий в Ливане.

Отношение к вовлеченности Тегерана в кризисы в Сирии, Йемене и Ираке также стало фактором, определившим мнение опрошенных об ИРИ. В 2016 г. интервьюеры задали вопрос, какие причины привели к дестабилизации и возникновению кризиса в этих трёх странах. Среди тех, кто выбрал ответ «вмешательство иностранных правительств» (в Ливане, Иордании, Саудовской Аравии и ОАЭ его доля составляла от 20 до 35%, а среди иракцев в вопросах про Йемен и Сирию 48 и 51%, в исследовании про их собственную страну – 23%), преобладало негативное отношение к роли Ирана. Участие ИРИ в событиях в Сирии отрицательно оценили от 54 до 84% респондентов во всех странах (в Ливане – 45%) – и в этом отношении Тегеран находится на одном уровне с Вашингтоном и Москвой, действия которых в САР не одобряли подавляющее большинство опрошенных. В вопросе про Ирак арабы придерживались ещё более негативного мнения: рейтинг неодобрения составил от 71 до 93% (схожие цифры и у США). Высок и уровень недовольства политикой Ирана в Йемене, колеблющийся от 48 до 69%. Но в этом опросе Тегеран уступил «лидерство» Вашингтону, которого респонденты посчитали в наибольшей степени ответственным за йеменский кризис. На третьем месте в «рейтинге» расположилась Саудовская Аравия, политика которой в рамках конфликта отрицательно оценивалась в Иордании, ОАЭ и Ираке. В то же время в самой Саудовской Аравии респонденты в дестабилизации ситуации в Йемене в большей степени винили Вашингтон, чем Тегеран (74 и 62% соответственно).

График «Вносит ли Иран вклад в поддержание мира и стабильности в Арабском мире?» (граф. 2) отображает не личное отношение респондентов к ИРИ, а их видение перспектив взаимоотношений в регионе, которое также несёт эмоциональную окраску, но не такую явную, как при вопросе «Как Вы относитесь к Ирану?». В 2011–2012 гг. в Ливане, Иордании, ОАЭ и КСА наблюдалось укрепление уверенности в мирном сосуществовании иранцев и арабов, хотя в монархиях оно и начиналось с низкой базы 2011 г. Эту тенденцию можно объяснить восприятием санкций Совета Безопасности ООН, поставивших серьёзные ограничения перед Ираном [Юртаев, 2017, с. 68] в связи с продвижением им своей ядерной программы, а также активным участием Тегерана в поддержке правительства Башара Асада, который некоторыми респондентами в это время мог рассматриваться как «агент стабильности» в Сирии. Второе обстоятельство объясняет резкий рост ответивших положительно ливанцев.

В 2012–2016 гг. во всех странах уверенность респондентов в урегулировании ирано-арабских противоречий постепенно снижалась, что также может объясняться исключительно активностью Ирана на ближневосточном направлении. Показательно, что в Ливане произошло наиболее резкое падение, при котором в 2016 г. число «оптимистов» впервые составило менее половины опрошенных. Аналогичные тенденции отмечаются и в относительно проиранском Ираке, где в 2014 г. мнения разделились примерно поровну, а в 2016 г. доля «пессимистов» превысила $\frac{3}{4}$. В Саудовской Аравии, однако, отмечается некоторый рост оптимизма в 2012–2014 г. В Иордании с 2012 по 2014 г. произошло падение уверенности в мирном сосуществовании Ирана и арабских стран, но в 2016 г. наблюдался незначительный рост. В ОАЭ в 2011–2016 гг. доля респондентов-«оптимистов» колеблется в диапазоне 12–24%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ближневосточная политика Ирана оценивалась респондентами во всех рассматриваемых странах региона – даже настроенных дружелюбно по отношению к Тегерану – как препятствующая урегулированию противоречий.

2018 г.: УЛУЧШЕНИЕ ИМИДЖА ИРАНА

На 2018 г., согласно результатам опросов, приходится рост проиранских настроений и уверенности в перспективах мирного сосуществования Ирана и арабских стран. Впервые

за историю исследования доля респондентов-оптимистов превысила 57% во всех странах. Определенное воздействие могла оказать изменившаяся формулировка вопроса. В 2011–2016 гг. у респондентов спрашивали, вносит ли Иран вклад в поддержание мира и стабильности в Арабском мире, а в 2018 г. – могут ли Иран и арабские страны жить в мире. Вторая формулировка предполагает большую вероятность положительного ответа, так как опирается на отношение интервьюируемого не только к внешней политике Тегерана, но и к действиям иных государств региона, в том числе и своей страны. Тем не менее даже с учетом изменившегося вопроса показателен рост оптимизма в регионе. Такая тенденция может быть объяснена не улучшением мнения респондентов о региональной политике Ирана, но надеждами на снижение её активности.

В 2018 г. оценки действий Ирана в Сирии остались крайне отрицательными в Саудовской Аравии и ОАЭ (82 и 80% соответственно), преимущественно отрицательными в Ливане и Иордании (половина респондентов в этих странах негативно оценили роль ИРИ в конфликте, тогда как положительно – менее 20%) и скорее отрицательным – в Ираке (28% положительных ответов против 35% негативных). Аналогичная ситуация отмечается в оценке участия Ирана в событиях в Ираке, причём при ответе на оба вопроса мнение респондентов в Саудовской Аравии, ОАЭ, Ираке и Иордании улучшилось в сравнении с 2017 г., в то время как в Ливане – значительно ухудшилось.

В то же время во всех странах в полтора–два раза уменьшились опасения респондентов в связи с перспективой вмешательства Ирана в конфликт в Йемене: на тот момент хуситы продемонстрировали способность противостоять саудовской коалиции без непосредственного участия Тегерана, а также снизилась перспектива вооруженного противостояния ИРИ и КСА на фоне возобновления действия американских санкций.

Рост уверенности арабских стран в возможности мирного сосуществования с Ираном был в значительной степени обусловлен политикой США. В мае 2018 г. Дональд Трамп вывел страну из СВПД и начал процесс возобновления действия американских санкций по отношению к Ирану. Цель американского президента заключалась не только в оказании давления на реализацию Тегераном ядерной программы, которая была и так серьезно ограничена положениями СВПД, а их соблюдение ИРИ не подвергалось сомнению инспекторами МАГАТЭ⁸. Трамп стремился выбить из Ирана большие уступки в обмен на снятие санкций, что включало бы ограничения на производство ракет и сокращение активности в регионе.

На фоне введенных санкций в экономике Ирана, пережившей небывалый рост за два года действия СВПД, наблюдался серьёзный спад. Уровень добычи нефти с начала 2018 г. к первым месяцам 2019 г. сократился с 4,62 млн до 2,69 млн баррелей в сутки, а средне-суточный экспорт – с 1,71 млн баррелей до 0,93 млн. Инфляция составила в 2018 г. 27,8% [Дунаева и др., 2019, с. 78], курс национальной валюты рухнул с 42 тыс. риалов за доллар в январе 2018 г. до 110 тыс. риалов к осени того же года.

Страна испытывала колоссальное давление, и среди арабов появилась уверенность, что Иран пойдет на уступки давлению Штатов. Эти надежды были зафиксированы и в результатах опросов: в 2018 г. доля сторонников СВПД значительно возросла в сравнении с результатами 2015 г. во всех странах, выступающих противниками региональной политики ИРИ. Так, в 2018 г. «за» соглашение высказались 56% иорданцев против 47% в 2015 г., 55% жителей Саудовской Аравии против 38% и 54% опрошенных в ОАЭ против 9%, в то время как в Ливане наблюдается обратная тенденция: в 2015 г. 63% высказывались в поддержку СВПД, тогда как в 2018 г. – 47%. Такая динамика объясняется уверенностью среди респондентов, что в новую версию «ядерной сделки» будут включены дополнительные

⁸ Международная организация, осуществляющая деятельность для поощрения использования атома в мирных целях и недопущения его военного применения.

условия, которые ограничили бы как военную программу Тегерана, так и его деятельность в регионе.

Показательно, что, тем не менее в 2018 г. в Ираке и Ливане опрошенные разделились примерно поровну на сторонников и противников СВПД (47% ливанцев и 55% иракцев «за»). В результатах опроса могли сыграть роль как противники шиитских движений в странах, получавших мощную поддержку Ирана, так и, наоборот, сторонники региональной политики ИРИ, опасавшиеся, что под санкционным давлением масштабы поддержки будут существенно сокращены.

ИРАНО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК ДРАЙВЕР СНИЖЕНИЯ УВЕРЕННОСТИ В МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ В РЕГИОНЕ

В 2019 г. уверенность арабов в возможности мирного сосуществования с Ираном снова падает. Отчасти это объясняется новой формулировкой вопроса («Вы уверены, что в следующем десятилетии между Ираном и арабскими странами будет мир?»), предполагающей большую неопределенность и, как следствие, снижающей процент «уверенных», так и вероятностью эскалации американо-иранского конфликта на фоне нежелания Тегерана идти на новые уступки Вашингтону и стремления Трампа, в свою очередь, «додавить» Иран. Опрос проводился в августе-сентябре 2019 г., эскалация не дошла до уровня декабря 2019 – января 2020 гг., когда в глазах многих существовала реальная возможность начала ирано-американской войны (в данном случае важна психологическая, а не фактическая составляющая вопроса). Как следствие, уверенность в «мире и стабильности» в ирано-арабских отношениях снизилась значительно, но не катастрофически, и во всех странах ответившие разделились примерно поровну, за исключением Саудовской Аравии.

В этот период КСА под руководством короля Салмана и наследного принца Мухаммеда проводило активную внешнюю политику, один из элементов которой заключался в противостоянии с Тегераном и шиитскими движениями в регионе [Подрезов, 2023, с. 49–50]. Наиболее ярким шагом на этом направлении стала военная операция коалиции во главе с Эр-Риядом против йеменских хуситов, начатая в марте 2015 г. Данные обстоятельства привели к значительному снижению уверенности среди саудовских респондентов в мирном сосуществовании с Ираном, хотя достаточно отдаленная перспектива вопроса могла сыграть в этом случае позитивную роль: даже в таких обстоятельствах 26% опрошенных все же остались «оптимистами», что выше показателей за 2011–2016 гг.

В то же время личное отношение респондентов к Ирану, отраженное в 2018 г. в ответах на вопрос «Как вы относитесь к Ирану?» (граф. 1), ухудшилось в ОАЭ, достигнув 11% положительных ответов, минимального значения с 2011 г. Отмечается незначительный рост по сравнению с 2016 г. рейтинга одобрения Ирана в Саудовской Аравии (с 9 до 15%) и в Иордании (с 18 до 20%). В КСА рост мог быть обусловлен голосами шиитов, благодарных Ирану за поддержку на фоне притеснений со стороны Эр-Рияда, а также одобряющих помощь, оказываемую ИРИ хуситам. В Иордании сохранение уровня поддержки Тегерана могло произойти за счет того, что антиизраильскую риторику иранских властей разделяли палестинцы⁹ и некоторые иорданцы, не разделявшие внешнеполитический курс властей. В самой Палестине (опрос проводился как на Западном берегу, так и в секторе Газа) 42% опрошенных выразили проиранские настроения.

Однако в Ираке и Ливане уровень одобрения Ирана несколько вырос (до 58% в обеих странах), что могло стать следствием американского давления на Тегеран и оказанием

⁹ Составляют около 7% населения королевства.

Исламской Республикой поддержки дружественным шиитским движениям и правительствам на Ближнем Востоке.

ВЫВОДЫ

В 2006–2016 гг. во всех арабских странах Ближнего Востока мнение респондентов об Иране ухудшалось. Основная причина этого состояла в недовольстве опрошенных ближневосточной политикой Ирана, в частности, ролью в конфликтах в Сирии, Ираке и Йемене. Данная тенденция не была переломлена урегулированием вопроса иранской ядерной программы. Заключение СВПД оказало краткосрочное положительное воздействие в традиционно антииранских Иордании и Саудовской Аравии, но в то же время было негативно воспринято в Ливане. Мнение арабов в значительной степени определялось вовлеченностью Ирана в ситуацию в Сирии, Ираке и Йемене, которая оценивалась в целом негативно. Более того, многие респонденты считали ИРИ ответственной за дестабилизацию обстановки в этих странах. Региональная политика Ирана также снижала уверенность арабов в мирном сосуществовании их стран.

Однако в 2018 г. характер ирано-американских отношений оказал позитивное воздействие на уверенность респондентов в достижении мира между Ираном и арабскими странами, но не вследствие потепления отношений, а на фоне ожиданий, что из-за санкционного давления после выхода Вашингтона из СВПД сократятся ресурсы Тегерана на ведение активной внешней политики. Кроме того, недовольство части респондентов ближневосточной политикой Трампа стало фактором некоторого роста уровня поддержки Ирана в странах региона.

Вместе с тем опрошенных беспокоила перспектива открытой конфронтации между ИРИ и США, что в 2019 г. сказалось на их надеждах на достижение мира в регионе. Свою роль также сыграло нарастание противостояния Тегерана и Эр-Рияда.

В целом, за прошедшее десятилетие уровень симпатий к Ирану во всех арабских странах снижался. Снижалась или находилась на низком уровне уверенность респондентов в мирном сосуществовании с ИРИ, достигшая высоких значений только после разрыва ядерной сделки. Но в 2019 г., после того как ожидания снижения внешнеполитической активности Ирана не оправдались, надежды на достижение мира и стабильности в регионе снова претерпели спад.

Именно ближневосточная политика Тегерана, заключающаяся в поддержке шиитских движений и непопулярного в соседних странах правительства Башара Асада, снижала уровень поддержки Ирана в регионе. Рейтинг ИРИ держался от окончательного падения во многом благодаря симпатиям части шиитов в Ливане, Ираке и Саудовской Аравии. Но даже среди этой группы респондентов не было абсолютного большинства, одобрявшего иранскую внешнюю политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана). *Восточная аналитика*. 2019. № 1. С. 76–90 [Dunaeva E.V., Mamedova N.M., Sazhin V.I. A Year after the US Withdrawal from the Nuclear Deal (New Risks for Iran). *Eastern Analytics*. 2019. No. 1. Pp. 76–90 (in Russian)].

Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. *Иран: история и современность*. Под ред. Л.М. Кулагинной, Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН, 2014. С. 252–257

[Kulagina L.M., Ahmedov V.M. New Trends in Iranian-Syrian Relations. *Iran: History and Modernity*. L.M. Kulagina, N.M. Mamedova (eds.) Moscow: IOS RAS, 2014. Pp. 252–257 (in Russian)].

Подрезов М.А. Иран и Саудовская Аравия: новая разрядка? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 48–55 [Podrezov M.A. Iran and Saudi Arabia: A New Détente? *Asia and Africa Today*. 2023. No. 11. Pp. 48–55 (in Russian)].

Президент Ирана начинает европейское турне с посещения Италии. *TASS*. 25.01.2016 [Iranian President Starts the European Tour with a Visit to Italy. *TASS*. 25.01.2016 (in Russian)]. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2611131> (accessed: 12.08.2024).

Сапронова М.А. Становление новой государственности на Арабском Востоке. *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 3(42). С. 26–39 [Sapronova M.A. Emergence of a New Statehood in the Arab World. *International Trends*. 2015. Vol. 13. No. 3(42). Pp. 26–39 (in Russian)].

Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 2. С. 66–80 [Yurtaev V.I. Iran in Situation of the Sanction Regime Transformation. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. Vol. 10. No. 2. Pp. 66–80 (in Russian)].

Arab League criticizes Syrian election plan. *Reuters*. 22.04.2014. <https://www.reuters.com/article/us-egypt-syria-arableague-idUSBREA3L0UX20140422/> (accessed: 24.08.2024).

Arab League slams Syrian regime 'massacres'. *Aljazeera*. 26.03.2014. <https://www.aljazeera.com/news/2014/3/26/arab-league-slams-syrian-regime-massacres> (accessed: 22.08.2024).

Arab, Turkish & Iranian Public Opinion 2011–2019. Zogby Research Services, 2019. <https://clck.ru/3FrN4d> (accessed: 24.08.2024).

Osiewicz P. *Foreign policy of the Islamic Republic of Iran*. New York: Routledge, 2021.

Ranstorp M. Hezbollah's Calculus after the Iran Nuclear Deal. *CTC Sentinel*. 2016. Vol. 9. No. 1. Pp. 10–13.

Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy. *CTC Sentinel*. 2018. Vol. 11. No. 10. Pp. 1–12.

Urban Population (% of total population) 2017. *World Bank Open Data*. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?skipRedirection=true&view=map&year=2017> (accessed: 24.07.2024).

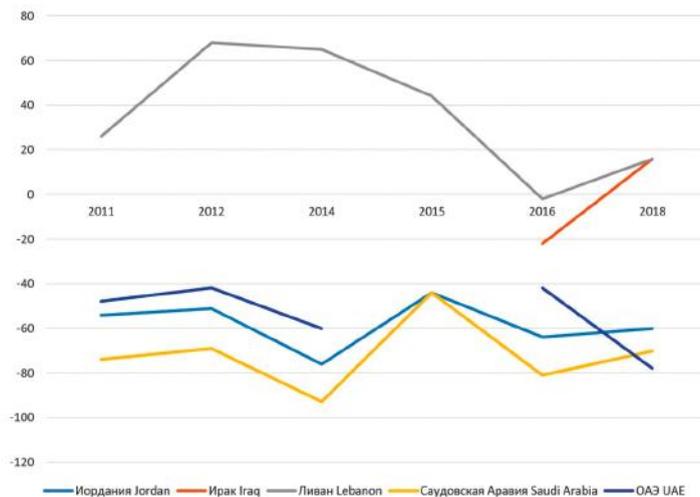
2022 Report on International Religious Freedom: Saudi Arabia. *US Department of State*. 2022. <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/saudi-arabia/> (accessed: 10.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

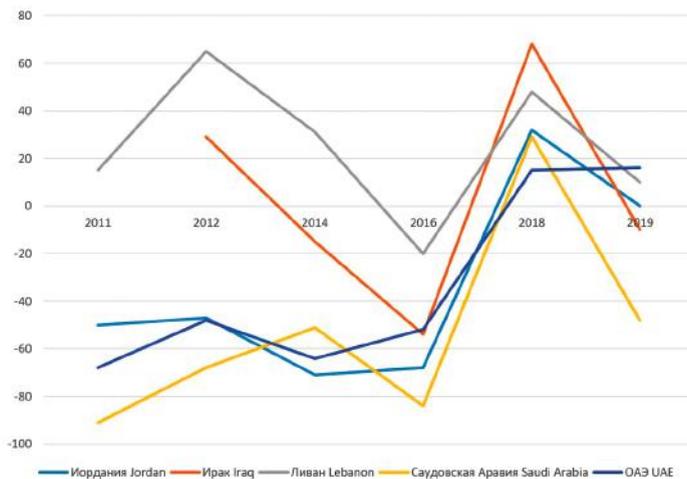
ПОДРЕЗОВ Михаил Андреевич – аспирант
кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД
России, Москва, Россия.

Mikhail A. PODREZOV, postgraduate student,
Department of Asian and African Studies,
MGIMO University, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье М.А. Подrezова

Граф. 1. Как Вы относитесь к Ирану? Источник: [Arab, Turkish & Iranian Public Opinion, 2019].
 Graph 1. What do you think about Iran? Source: [Arab, Turkish & Iranian Public Opinion, 2019].

Граф. 2. Вносит ли Иран вклад в поддержание мира и стабильности в Арабском мире?
 Источник: [Arab, Turkish & Iranian Public Opinion, 2019].
 Graph 2. Does Iran contribute to peace and stability in the Arab world?
 Source: [Arab, Turkish & Iranian Public Opinion, 2019].